

С. М. Соловьёв

**История России с
древнейших времен. Книга
III. 1463—1584**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. М. Соловьёв**
История России с древнейших времен. Книга III. 1463—1584 / С. М. Соловьёв –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 522 с.

ISBN 978-5-4241-1621-6

Третья книга сочинений С. М. Соловьёва включает пятый и шестой тома "Истории России с древнейших времен". Пятый том освещает события периода княжений Ивана III и Василия III; центральное место в шестом томе отведено царствованию Ивана Грозного.

ISBN 978-5-4241-1621-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. М. Соловьёв, 2021

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших
времен»
Книга III. 1463—1584

ПЯТЫЙ ТОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Новгород Великий

Значение Иоанна III и характер его. — Состояние Новгорода Великого. — Литовская сторона. — Борьбки. — Столкновения с великим князем. — Осторожное поведение великого князя и митрополита. — Избрание владыки. — Вечевая усобица. — Договор с Казимиром литовским. — Война Новгорода с Москвою. — Мир по старине. — Посвящение владыки Феофила. — Новгородское беззарижье; обиженные обращаются к суду великокняжескому. — Мирный приезд Иоанна в Новгород для упр. Суд. — Жалобщики едут в Москву. — Государь и господин. — Иоанн хочет быть государем в Новгороде. — Новая война. — Приравнение Новгорода к Москве. — Движения в Новгороде в пользу старины. — Казни и переселения. — Присоединение Вятки. — Ссоры псковичей с наместниками великокняжескими. — Московский великий князь распоряжается в Рязани. — Присоединение Твери к Москве; окончательное присоединение Ярославля и Ростова.

Иногда видим мы, как целые поколения в продолжение многих и многих лет тяжелыми трудами накапливают большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом; тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно; и вот наконец накопленные средства достигают обширных размеров, и вот наконец счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством. Он не расточает его, напротив, увеличивает; но при этом способ его действий по самой обширности средств отличается уже большими размерами, становится громок, виден, обращает на себя всеобщее внимание, ибо имеет влияние на судьбу, на благосостояние многих. Честь и слава человеку, который так благоразумно умел воспользоваться доставшимся ему средствами; но при этом должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишениями доставили ему эти средства?

Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным; старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтоб дорухнуть его. Отношения всех частей народонаселения ко власти княжеской издавна уже определялись в пользу последней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданиями, доставшимися в наследство от Византийской империи, чтоб выказать яснее эти отношения, дать им точнейшее определение. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней. Орда падала сама собою от

разделения, усобиц, и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтоб так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри разделением между Польшею и Литвою, разделением, господствующим под видом соединения; сильно занят извне отношениями к Пруссии, Богемии, Венгрии, не может мешать Москве в ее усилении, не может бороться с нею и уступает ей целые области. Спокойный, единовластный внутри, московский князь пользуется своими средствами, пользуется собранием Северо-Восточной Руси, совершенным его предками, пользуется счастливыми внешними обстоятельствами, затруднительным положением соседей, чтоб начать наступательное движение на восток, на племена финские, на царства татарские, относительно же юго-запада напоминает, что Киев, Смоленск, Витебск и Полоцк издавна его предков отчины. С прекращением внутреннего движения для соборания земли, с утверждением единовластия и с началом внешних движений замкнутость, отчужденность Северо-Восточной Руси необходимо начинает прекращаться: державы Западной Европы узнают, что на северо-востоке существует обширное, самостоятельное Русское государство кроме той Руси, которая подчинена польским королям, и начинают отправлять в Москву послов, чтоб познакомиться с новым государством и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общих европейских целей. Первым необходимым следствием начавшихся сношений с западными государствами было появление западных художников в Москве, которая таким образом начинает пользоваться плодами европейской цивилизации. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношения с западными державами не шли далее Италии, Дании, Германской империи; сношения с последнею скоро должны были прекратиться, по недостатку общих интересов; как и прежде, татарские орды на востоке и юге, Литва и Швеция на западе ограничивали политический горизонт Московского государства.

Таковы были следствия соборания Русской земли около Москвы, следствия, необходимо обнаружившиеся во второй половине XV века, в княжение Иоанна III, который, пользуясь полученными от предков средствами, пользуясь счастливым положением своим относительно соседних государств, доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое. Это новое не есть следствие его одной деятельности; но Иоанну III принадлежит почетное место среди собрателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во все продолжение жизни. При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие — вот отличительные черты деятельности Иоанна III. Благодаря известиям венецианца Контарини мы можем иметь некоторое понятие и о физических свойствах Иоанна: он был высокий, худощавый, красивый мужчина; из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, должно заключать, что он при высоком росте был сутуловат.

Мы видели, что только увещания новгородского архиепископа Ионы, пользовавшегося особенным уважением в Москве, и последовавшая вскоре смерть

великого князя отвратили от Новгорода последний удар, который хотел нанести ему Василий Темный, жаловавшийся, что новгородцы не чтут его как следует. Действительно, особый быт Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимым следствием их прекращения было приравнение Новгорода к другим городам Северной Руси, полное подчинение его князьям московским; Василий Темный, как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, ему, который держит в руках всех князей: понятно, что если сам Василий не успел освободить себя от таких неприятных для него отношений, то сын его должен был об этом позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положения, не могли не видеть, что против сына Василиева не будет им помощи ни от кого из князей Северной Руси, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским; к этому князю отъезжали из Северо-Восточной Руси все князья недовольные, лишенные отчин, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского князя и поддаться литовскому, отложиться от московского митрополита и признать свою зависимость от митрополита киевского, митрополита подозрительного по своему поставлению, ученика Исидорова, в глазах многих, в глазах большинства в Новгороде, в глазах всего северного русского народонаселения значило изменить православие, приложиться к латинству или по крайней мере подвергнуть древнее благочестие сильной опасности. Таким образом, мысль о подданстве великому князю литовскому встречала сопротивление в господствующем чувстве большинства в Новгороде, в привязанности к вере предков; таким образом, Москва в окончательной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этот союзник было православие.

И прежде не раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы; и нельзя не заметить, что главным побуждением к тому было иноверство Гедиминовичей, хотя, с другой стороны, и от Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила новгородцев быть внимательнее к предложениям из Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою в Новгороде, и здесь нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою. Заметно было уже и прежде раздвоение между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, в решительную минуту, это разделение повело к разномыслию относительно самого важного шага, а это разномыслие в свою очередь усиливало вражду между сторонами. Есть известие, что будто бы еще в тридцатых годах столетия была в Новгороде смута от желания знатных людей присоединиться к Литве. В решительную минуту борьбы Новгород был разделен; в Москве не могли не знать о существовании литовской стороны, которая, разумеется, должна была утверждать, что соединение с Литвою вовсе не опасно для православия, что в старом Киеве такой же православный митрополит, как и в Москве. Для ослабления литовской стороны надобно было возражать на это, надобно

было удержать прежде всего владыку новгородского от признания киевского митрополита Григория православным, законным, и вот Иоанн III посылает к владыке Ионе с такими речами: «Тебе известно, откуда пришел этот Григорий и от кого поставлен: пришел он из Рима, от папы, и поставлен в Риме же бывшим цареградским патриархом Григорием, который повиновался папе с осьмого собора. Ты знаешь также, за сколько лет отделилась греческая церковь от латинской, и святыми отцами утверждено, чтоб не соединяться с латинством. Ты должен хорошо помнить, какой обет дал ты Ионе-митрополиту, когда приезжал к нам в Москву: ты обещал не приступать к Григорию, не отступать от Ионы — митрополита всея Руси — и от его преемников; такой же обет повторил и митрополиту Феодосию, и нынешнему Филиппу... Так если тот Григорий начнет подсылать к тебе или к новгородцам с какими-нибудь речами или письмами, то ты, богомолец наш, поберегись и своим детям внуши, чтоб Григорьеву посланию не верили, речей его не слушали и даров не принимали; да помни, отец, свой обет, который ты дал на своем поставленьи отцу нашему, Ионе-митрополиту, и всем его преемникам».

В челе стороны литовской стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака Борецкого. Мы видели, какое важное значение в семействах княжеских получали матери по смерти отцов; так было и в семьях частных: вдова Исака Борецкого, Марфа, имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города. Существование сильной стороны, Москве враждебной, ожесточение, так резко обнаружившееся в некоторых новгородцах после похода Василия Темного, не могли не повести к враждебным столкновениям Новгорода с Москвою в княжение преемника Василиева: в Новгороде стали утаивать великокняжеские пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленные прежде по суду Москве; с большого вече шумная толпа людей являлась на великокняжеский двор, на Городище, бранили, бесчестили наместников, посла Иоаннова; по одному из условий договора Васильева московские подданные, тяжущиеся с новгородцами, судились новгородским боярином вместе с московским на Городище; новгородцы, забыв об этом условии, схватили на Городище каких-то двух князей, за отказом в имени великого князя, людей их взяли, били, свели в город и мучили; наконец, новгородские порубежники напали на волости московские. Великий князь во все это время был занят войною казанскою; с другой стороны, по природной осторожности своей он мог бояться решительными, строгими требованиями усилить, увеличить число приверженцев литовских и заставить Новгород поддаться Казимиру. Несколько раз отправлял он в Новгород послов с требованием, чтобы отчина его исправилась, жила по старине. Теперь это слово «старина» в устах великокняжеских получала особое значение: до сих пор в отношении к великим князьям новгородцы имели важное преимущество действовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великого князя; сперва новгородцы не требовали от князей ничего более, кроме исполнения старинных условий; теперь великий князь требует от новгородцев сохранения старины.

И митрополит московский держался также старины: мы видели, что псковичи постоянно тяготились зависимостью своей от владыки новгородского, который, в их глазах, не исполнял своих обязанностей в отношении к ним, как сле-

дует, отчего происходили сильные неурядицы в псковской церкви. В конце 1463 года псковичи отправили к великому князю гонца с двумя грамотами: в одной написана была благодарность от всего Пскова за то, что Иоанн прислал воеводу своего оборонять Псков от немцев, причем прибавлено: «Хотели мы слать к тебе, своему государю, людей честных, посадников и бояр, да затем не послали, что не пропустит Великий Новгород». Великий князь с удивлением сказал гонцу: «Как это вы побоялись моей отчины, Великого Новгорода? Как новгородцам не пропустить ваших послов ко мне, когда они у меня в крестном целовании?» Другая грамота объясняла дело: в ней псковичи просили, чтобы великий князь велел митрополиту поставить особого владыку во Псков, их же брата, псковитина. Иоанн отвечал: «Это дело великое: хотим о нем с отцом своим, митрополитом, крепко подумать; отец наш пошлет за архиепископами и епископами, и если они все согласятся, то мы вам дадим знать». В начале следующего года псковичи возобновили просьбу через знатных послов, которые привезли великому князю в подарок 50 рублей; но успеха не было: Иоанн, подумавши с митрополитом, объявил, что нельзя быть во Пскове особому владыке, потому что с самого начала не бывал и нет стола во Пскове. Псковичи принуждены были возвратить новгородскому владыке воды, земли и все оброки, которые было захватили в надежде, что Москва исполнит их желание. В конце 1468 года они попытались было опять ввести новизну в своем церковном управлении, и опять неудачно: все монахи и священники псковские, все пять соборов, благословивши посадников и весь Псков на вече, сказали: «Хотим, дети, между собою, по правилам св. апостол и св. отец, во всем священстве крепость положить, как нам управляться и жить по Номоканону; а вы нам, дети, будьте поборники, потому что здесь правителя над нами нет и нам самим между собою крепости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь миром в церковные дела не по правилам: так мы хотим и на вас такую же крепость положить». Псков им отвечал: «То ведаете вы, все божие священство; и мы вам поборники на всякий добрый совет». Тогда все пять соборов и все священство написали грамоту из Номоканона о своих священнических крепостях и о церковных делах и положили грамоту в ларь, а для исполнения грамоты правителями над собой на вече перед всем Псковом посадили двоих священников. Но скоро клеветники встали на одного из этих правителей, и он убежал в Новгород к владыке. Владыка, узнавши о новизне, приехал в начале 1469 года во Псков и спросил: «Кто это так сделал без моего ведома? Я сам хочу здесь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали». Все божие священство, посадники и весь Псков, подумавши, отвечали: «Сам, господин, знаешь, что тебе здесь недолго быть и нашего дела тебе скоро нельзя управить, потому что в это последнее время в церквях между священниками смущение сильное, так что всего и сказать нельзя, сами они хорошо об этом знают; так вот, грамоту из Номоканона выписали и в ларь положили по вашему же слову; сам ты, господин, и прежние владыки благословляли пять соборов управлять всякими делами священническими по Номоканону вместе с своим наместником». Владыка сказал: «Доложу об этом митрополиту и дам вам знать, как он прикажет». Митрополит благословил, а великий князь приказал, чтоб псковичи все управление священническое положили на архиепископе новгородском, потому что так искони предано, и весь Псков митрополичье благословение и государя своего, великого князя, слово принял, вынул грамоту из

ларя и подрал.

Между тем в Москву приехал из Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, правил посольство о своих делах земских новгородских, относительно же великокняжеских жалоб не сказал ни слова и, когда бояре напомнили ему о них, отвечал: «Великий Новгород об этом не мне приказал». Великого князя раздосадовала такая грубость, что новгородцы о своих земских делах к нему посылают и челом бьют, а в чем ему грубят, то забывают; он велел Ананьину сказать новгородцам: «Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, в земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старине, ко мне посылайте бить челом по dokonчанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу». Отправивши такое умеренное требование, без всяких угроз, Иоанн, однако, не очень надеялся на удовлетворительный для себя ответ со стороны Новгорода и стал думать о походе, послал сказать псковичам: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о моих старинах, то отчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород за мои старины».

В таком положении находились дела, когда в ноябре 1470 года умер новгородский владыка Иона, а чрез два дня после его смерти приехал в Новгород брат киевского князя — наместника Семена, Михаиле Александрович или Олелькович, выпрошенный Новгородом у короля Казимира, приехал в сопровождении многочисленной толпы и был принят с честью. Принимать с честью князей литовских и давать им кормление на пригородах не было новостью для Новгорода, и подобные приемы прежде не вели к разрыву с московскими князьями, которые продолжали держать в Новгороде своих наместников. Так и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути наместникам Иоанновым; но теперь обстоятельства были уже другие; теперь пробил решительный час, теперь громко и ясно был высказан вопрос: оставаться ли за Московью или просить покровительства у короля литовского? И при решении этого вопроса город разделился на две стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты от шведов или немцев, выпросила его сторона литовская для усиления себя, для угрозы Москве.

Через десять дней после смерти Ионы посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, поставя вече у св. Софии, положили три жребия на престоле: жребий Варсонофия, духовника, Пимена, ключника, и Феофила, ризничьего архиепископских; вынул жребий Феофилов; избранного по старине ввели честно во владычней двор, на сени, и по старине отправили посла в Москву бить челом великому князю, просить опасной грамоты для приезда Феофила и посвящения его в архиепископы у гроба чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкие с Олельковичем действовали: говорят, что князь Михаил указывал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницею родного города. Ключник владычней Пимен, потерявши надежду стать архиепископом по жребию, думал получить свое желание при новом порядке вещей, тем более что Феофил был за старину, требовал, чтоб его отправили непременно на поставление в Москву; Пимен, напротив, стал объявлять: «Хотя на Киев меня пошлите, я и туда на свое постановление поеду»; хозяин богатой казны архиепископской, Пимен передал много денег Марфе для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведение Пимена, разграбление казны владычней и желание идти наперекор священному древнему обычаю, по

которому был избран Феофил, возбудили сильное негодование в Новгороде: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили и, кроме того, взыскали 1000 рублей. Пришел и ответ из Москвы на просьбу о позволении приехать Феофилу; великий князь велел сказать: «Отчина моя Великий Новгород прислал ко мне бить челом, и я его жалую, нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах».

Люди, не хотевшие разрываться с Москвой, и в том числе Феофил, обрадовались дружелюбному ответу Иоаннову; но в это самое время явились послы псковские с такой речью: «Нас великий князь, а наш государь поднимает на вас; от вас же, своей отчины, челобитья хочет. Если вам будет надобно, то мы за вас, свою братью, ради отправить посла к великому князю, бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю». Это посольство доставило приверженцам литовским предлог к восстанию; на вече раздался голоса: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его отчиною, мы люди вольные; не хотим терпеть обиды от Москвы, хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту нареченному владыке, а между тем поднимает на нас псковичей и сам хочет идти!» В ответ послышались крики стороны противной: «Хотим, по старине, к Москве! Нельзя нам отдаться за короля и поставить владыку у себя от митрополита-латинца». Вечевая усобица должна была решить вопрос о том, за кем быть Новгороду — за литовским или московским князем, как прежде она решала, какого князя принять — киевского, черниговского или суздальского? Природа веча давала стороне богатейшей возможность осилить противников менее богатых наймом людей, которые продавали не только свои голоса на вече, но и свои руки, когда дело доходило до схватки: по словам летописца, приверженцы Литвы стали нанимать худых мужиков вечников, которые готовы стать за всякого, по своему обычаю; вечники начали звонить в колокола, кричать: «Хотим за короля!» — и бросать камнями в тех, которые хотели оставаться за московским князем. Наконец литовская сторона осилила: отправили посла с поминками и с челобитьем к королю, и король заключил договор со всем Великим Новгородом, мужами вольными: обязался держать на Городище наместника веры греческой, православного христианства; наместник, дворецкий и тиуны королевские, живя на Городище, не могли иметь при себе более пятидесяти человек. Пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат или которую землю поднимет на Великий Новгород, королю садиться на коня за Новгород со всею Радою литовскою; если же король, не помилив Новгорода за московским князем, поедет в Польскую землю или Немецкую и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой православной, и где будет любо Великому Новгороду, тут и поставит себе владыку; римских церковей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. Что в Пскове суд, печать и земли Великого Новгорода, то к Великому Новгороду по старине. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам, а в иные годы черного бору ему не надобно. Король держит Новгород в воле мужей вольных, по их старине и по крестной грамоте; целует крест ко всему Великому Новгоро-

ду за все свое княжество и за всю Раду литовскую. Между этими условиями с Казимиром не встречаем условия о праве короля раздавать волости, грамоты вместе с посадником, не лишать волостей без вины; нет условия о праве короля брать дар со всех волостей новгородских, о праве охотиться в известных местах, посылать своего осетреника и медовара; о праве посылать своего мужа за Волок; замечательно в договоре с Казимиром выражение «вольные люди», которое повторяют новгородцы, говоря о себе, чего не находим в прежних договорах с князьями Рюриковичами; наконец, должно заметить, что новгородцы требуют от Казимира присяги за Раду литовскую, о Польше не упоминается ни слова.

Отправивши послов в Литву, послали сказать псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимать, и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанию». Псков дал на это такой ответ: «Как вам князь великий отошлет складную грамоту, то объявите нам, мы тогда, подумавши, ответим». Но псковичи недолго думали и объявили московскому послу, что будут помогать великому князю.

Последний, узнав о победе литовской стороны, хотел испытать еще мирные средства и отправил в Новгород посла с жалованием и добрыми речами, «чтобы отчина его, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латинству не приставали и ему бы, великому князю, челом били, да исправились, а он, великий государь, жалует их и в старине держит». Митрополит Филипп также послал увещательные грамоты: «Сами знаете, дети, с какого времени господари православные, великие князья русские начались; начались они с великого князя Владимира, продолжаютя до нынешнего Иоанна Васильевича; они господари христианские русские и ваши господа, отчичи и дедичи, а вы их отчина из старины мужи вольные. Господин и сын мой князь великий сказывает, что жаловал вас и в старине держал и вперед жаловать хочет, а вы, сказывает, своих обещаний ему не исполняете... Ваши лиходеи наговаривают вам на великого князя: „Опасную-то грамоту он владыке нареченному дал, а между тем псковичей на нас поднимает и сам хочет на нас идти“. Дети! Такие мысли враг дьявол вкладывает людям: князь великий еще до смерти владыки и до вашего челобитья об опасной грамоте послал сказать псковичам, чтобы они были готовы идти на вас, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, так и его жалованье к вам тотчас пошло. И о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие; а когда оставил истину, то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно; а вы при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасать в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря закладываться! Много у вас людей молодых, которые еще не навывкли доброй старине, как стоять и побороть по благочестию, а иные, оставшись по смерти отцов ненаказанными, как жить в благочестии, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение. А вы, сыны православные, старые посадники новгородские и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, сами остерегитесь, старые молодых понаучите, лихих удержите от злого начинания, чтоб не было у вас латинские похвалы на веру православных людей».

Все эти увещания не помогли, надобно было садиться на коня. В мае 1471 года великий князь созывает на думу братьев своих, митрополита, архиереев,